

Оружие военного переводчика

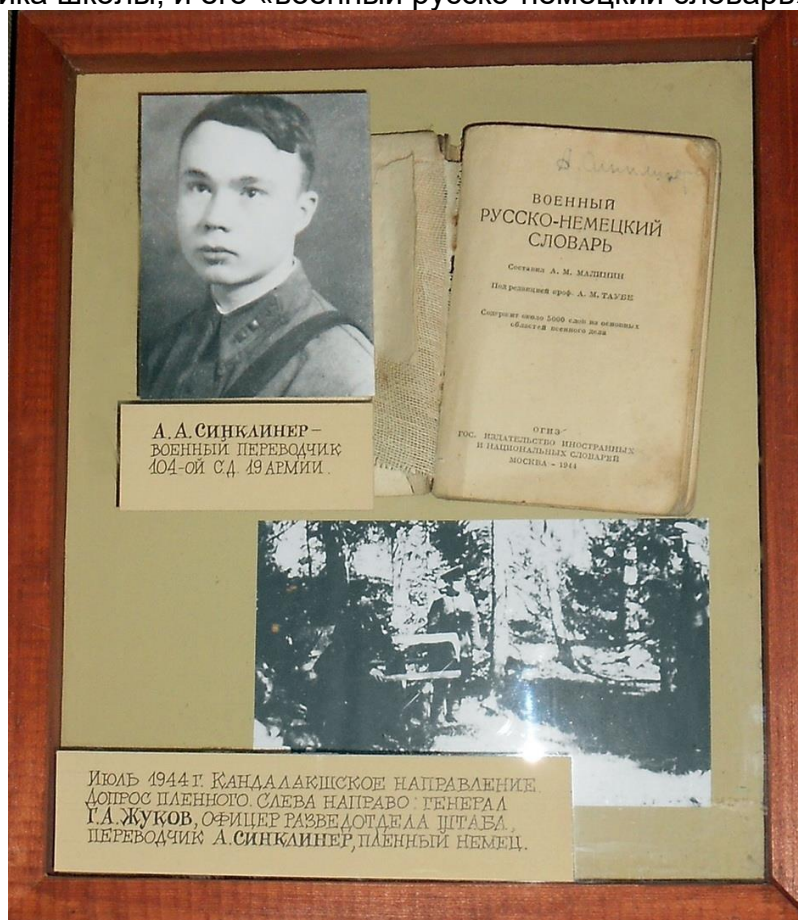
Т.А. Бисаева

сотрудник Ковдорского краеведческого музея

На войне бывает разное оружие. В том смысле, когда то, что помогает победить врага, сделано не из металла и не пахнет порохом. Песня, боевой листок, концерт в медсамбате ... Что ещё? А ещё - слово. Точнее, иностранный язык. У умелого военного переводчика это знание становится самым настоящим, а не метафорическим, оружием! Неслучайно переводчик Наум Гуревич написал в годы Великой Отечественной войны своей учительнице немецкого языка: «Я получил сильное оружие, которое буду в самом ближайшем будущем прилежно использовать на практике».

Эта тема мне близка. После школы училась на «инязе», потом несколько лет работала в ковдорских школах учительницей немецкого. Люблю этот язык до сих пор и в музейной работе при редкой возможности стараюсь его использовать. Переводы из газет и журналов ГДР, пара экскурсий для немецкоговорящих посетителей ... В своё время для выставки «Годы, опалённые войной» переводила на русский агитационную листовку Красной Армии с призывом к немецким солдатам сдаваться в плен.

В постоянной экспозиции «Великая Отечественная война. 101 пограничный отряд. Партизаны» обратите внимание на трогательное фото юного младшего лейтенанта, вчерашнего выпускника школы, и его «военный русско-немецкий словарь».

В постоянной экспозиции МАУК «Ковдорский краеведческий музей».

Кто этот лейтенант? Мурманчанин Алексей Андреевич Синклинер, военный переводчик 104-й стрелковой дивизии 19-й армии Карельского фронта. После войны он напишет в своих воспоминаниях:

«Мурманск, июнь сорок первого ... В школах закончились занятия. На выпускных вечерах вручали аттестаты, и строгие учительницы украдкой утирали слезы, прощаясь с воспитанниками, которым они отдали частицу своей жизни.

15 июня в Доме культуры имени Кирова состоялся бал выпускников городских школ. Заведующий отделом народного образования Л. И. Олешкович поздравил ребят с окончанием учебы, пожелал им широкой и прямой дороги в жизнь, а отличникам вручил подарки. Женя Бройдо из школы № 10 произнес прочувствованную речь. Он говорил о том, что мы никогда не забудем школьные годы и всю жизнь будем благодарны учителям за их благородный труд. А потом в танце закружились пары. Для многих из нас это был последний бал ...

Домой возвращались в полночь, когда солнце, лишь краем коснувшись горизонта, опять начинает подниматься. Шли по единственной в то время асфальтированной Ленинградской улице мимо гостиницы «Арктика». Из окон ресторана доносилась музыка: веселились вернувшиеся из рейса моряки. Смотрели мы на это здание и не знали, что скоро немцы раздадут билеты на банкет в этот ресторан в честь запланированного захвата Мурманска горными егерями генерала Дитля и что уже 20 июля они собираются устроить на городском стадионе торжественный парад покорителей города.

Откуда нам было знать, что еще 18 декабря 1940 года Гитлер утвердил «план Барбаросса», предписывавший немецким вооруженным силам быть готовыми к тому, чтобы «нанести поражение Советской России в быстротечной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии»? Не ведали вчерашние десятиклассники, что согласно «плану Барбаросса», разработанному с немецкой педантичностью, уже двигались по финской земле к советской границе войска, прибывшие из Германии и Норвегии, которым предстояло занять другой город на Кольской земле — Кандалакшу. Не ведали мальчишки, что через неделю начнется жестокая и долгая война и что не каждому из них посчастливится дожить до её победного финала.

3 августа мы получили повестки военкомата. Служба началась здесь же, в Мурманске ... »

Потом были рота связи, где изучал азы военного дела и радиостанцию, учебная стрелковая рота и курсы младших лейтенантов.

Ещё в школе Синклинер увлекался немецким языком, читал кое-что в оригинале сверх школьной программы, помогал одноклассникам, и они считали его знатоком немецкого. Учительница А. Ф. Михайлова, после того как Алексей отлично сдал экзамен, сказала: **«Ваш класс был лучшим в моей учительской жизни, а ты был лучшим учеником в этом классе».**

Из воспоминаний Алексея Андреевича: «Мое увлечение языком, — пишет в книге «Записки военного переводчика» Алексей Андреевич, — поощряли дома. — Отчим, лоцман мурманского порта, знал в нужном объеме английский — международный язык моряков. Дед, архангельский помор, ещё до революции много лет ходил на парусниках в Норвегию и хоть по своей неграмотности ставил в ведомости крест, однако мог объясняться на норвежском». Алексей Андреевич хорошо помнил выпускной экзамен по немецкому.

«Сделал грамматический разбор длинного предложения, — пишет он. — Объяснил образование одной из сложных форм прошедшего времени глагола. Потом

по-немецки рассказал биографию Гёте. Наконец, последний вопрос: надо прочесть стихотворение Шиллера. Выбрал то, которого не было в программе. Ассистент — учительница с немецкого фамилией Визенталь, из соседней школы, одобительно взглянула на меня и, когда я умолк, сказала: «У меня создалось впечатление, что вы в совершенстве владеете языком».

С карманным словарем не расставался и на войне. Когда попадались в его руки листовки, предназначенные для немецких солдат, легко мог их перевести. В политотделе были довольны тем, что объявился человек, знающий немецкий язык. Синклинеру стали поручать вести радиопередачи для немецких солдат. Вместе с сержантом И. И. Ильиным нагружали себя аппаратурой звуковещательной установки и шли на передний край. Здесь выбирали какую-нибудь заброшенную землянку, устанавливали в ней «звуковку», выбрасывали в сторону динамик, Алексей Андреевич надевал ларингофон и кратко рассказывал об успехах Красной Армии на советско-германском фронте.

« ... Обычно в начале передачи какое-то время немцы вели себя тихо. Потом, будто опомнившись, начинали остервенело осыпать нас снарядами. Осколки то и дело перебивали кабель, мы наскоро сращивали концы и продолжали «трансляцию».

Попутно скажу, что не только таким путем проводилась у нас агитационная работа среди солдат противника. Наши разведчики, совершая вылазки во вражеское расположение, перед уходом разбрасывали у окопов листовки на немецком языке. Ампуломётчики частенько стреляли не зажигательными ампулами, а специальными деревянными снарядами, в которые были вложены пропагандистские печатные материалы».

Так Алексей Синклинер начинал свою работу в новом качестве. Позже его включили в группу подслушивания очередного разведотряда. Мысли были: **«Справлюсь ли? Не скажешь же немцу: «А ну, фриц, повтори, что ты сказал, а то я тебя не понял». Смогу ли допросить пленного? Вдруг я его не пойму или он не поймёт меня. В общем, волновался очень. Но делать нечего: приказ надо выполнять ... Моей группе подслушивания за всё время того рейда не нашлось работы. Мы не встретили ни одной телефонной линии противника. Но кончился бой и мне пришлось дебютировать в роли переводчика. До сих пор мое общение с немцами было односторонним: я говорил по радио, они слушали, а отвечали нам на языке пушек, который не нуждается в переводе. Теперь предстоял другой разговор - первый в моей жизни разговор с живым немцем, да ещё с офицером. Получится ли? Неужели шёл сюда напрасно? К командиру отряда привели пленного. Перед нами стоял высокий белокурый немец. Спокойный взгляд, ни тени страха в глазах ... »**

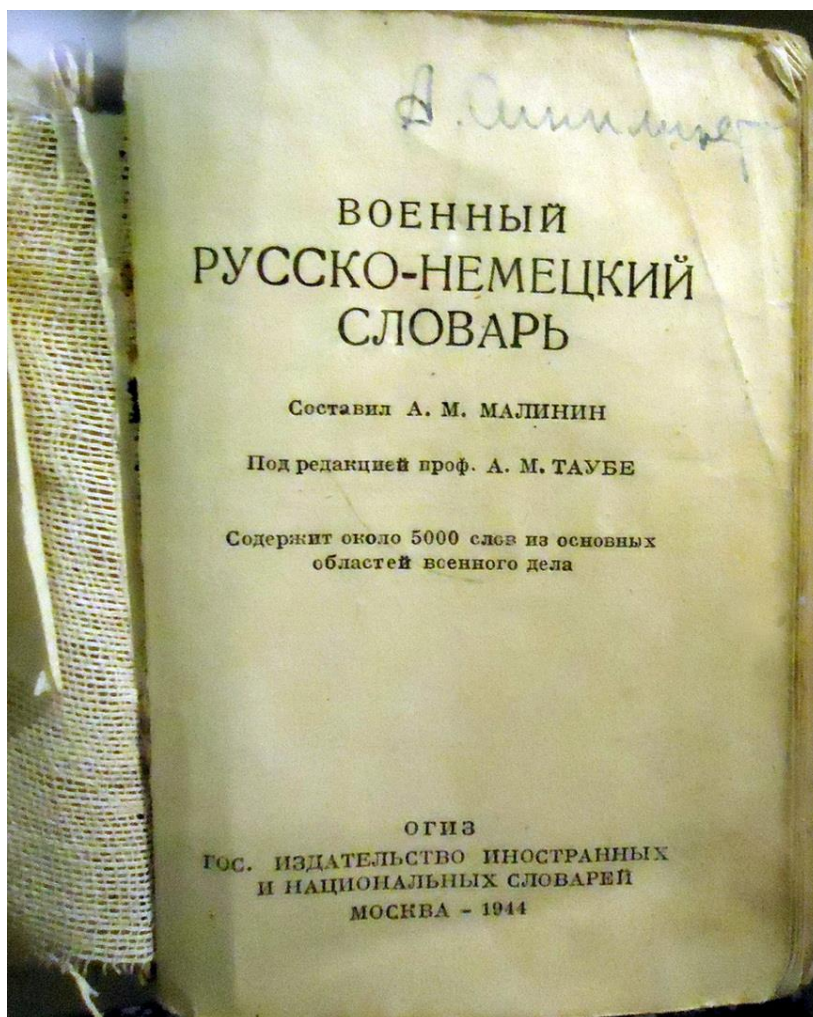
Кстати, позднее этот пленный, оказавшийся врачом, то ли в благодарность за хорошее обращение с ним, то ли немного прозрев, сочинил листовку, предназначенную для немецких солдат Кандалакшского направления. В ней он подробно изложил обстоятельства, при которых попал в плен. Как врач высоко оценил оказанную ему медицинскую помощь, призвал солдат не бояться советского плена. **«Если бы не язык, - писал он, - то можно было бы подумать, что находишься дома. Это не преувеличенная фраза, а настоящая истина ... Здесь господствует не кнут и не палка, а разум и, даже можно сказать, солдатское товарищество, и чувствуешь себя спасённым этими людьми, о которых мы так жестоко отзываемся. Не считайте мои слова завлекательной пропагандой, а исправьте по ним свои представления».**

Итак, Синклинер выдержал практический экзамен, допрашивая пленных, и стал штабным переводчиком. После наступательных операций Карельского фронта в 1944 году, пленных доставляли одного за другим и даже группами по несколько человек — только успевай допрашивать.

Как вы уже поняли, профессиональных военных переводчиков в войну на фронте практически не было. Вот и издавались различные пособия для войсковых штабов действующей Красной Армии. И не только для штабов! Вот, например, русско-немецкий разговорник для партизан 1943 года: **«Захватив пленного, ты можешь получить у него сведения о противнике. Эти сведения помогут твоему отряду разгромить врага. Но как допросить пленного, не зная немецкого языка? Для этого мы даём краткий русско-немецкий разговорник. В нём ты найдешь основные фразы, необходимые для допроса. Ответы пленного должны быть самые простые. Пусть он ответит на твой вопрос кивком головы, скажет «да» или «нет», укажет направление рукой, а цифру покажет на пальцах или напишет на бумаге. В этом разговорнике немецкие слова изображены русскими буквами. Читай их вслух, отдельно и четко выговаривая все звуки. Немец должен понять тебя. Заставь пленного повторить несколько раз ответ, пока не убедишься, что он тебе понятен».**

За военные годы русско-немецкие военные словари переиздавались трижды общим тиражом 200 тысяч экземпляров. Трудно поверить — их составлял один человек. Но его имени нет ни в одной из советских энциклопедий ... Это Александр Михайлович Таубе. К началу Великой Отечественной войны он стал одним из лучших в стране специалистов по военному переводу и иностранной военной терминологии.

В нашем музее хранится военный русско-немецкий словарь с 5000 слов из основных областей военного дела издан московским госиздательством иностранных и национальных словарей в 1944 году. Составил его А. М. Малинин, под редакцией проф. А. М. Таубе, конечно же. Собственно это книжка карманного формата в мягкой бумажной обложке. На титульном листе рукописная дарственная надпись А. А. Синклинера. Жёлтые от времени страницы, пятна, потёртые углы, тканевый переплёт еле скрепляет страницы на развороте ... время берёт своё.

Обычно военные переводчики (и Синклинер не исключение) несли службу при штабах, их деятельность была тесно связана с разведкой. В круг обязанностей входили систематизация, перевод и реферирование трофейных документов, а также участие в составе разведывательных и парламентёрских групп. Приходилось часами просиживать над словарями, справочниками, информационными бюллетенями, требовалось быть во всеоружии.

Одного владения иностранным языком военному переводчику недостаточно. Ему не обойтись без знания военной терминологии, организационной структуры армии противника, тактики и стратегии ведения боя. Переводчик должен был уметь читать карты, вести протоколы допросов, разбираться в военно-тактической обстановке на фронте, уметь её анализировать и делать правильные, обоснованные выводы. В случае с немецким языком оказывались востребованными уж совсем специфические навыки. М. Цвиллинг, преподававший на курсах переводчиков во время войны, вспоминает, что перед ним стояла задача обучить студентов понимать особый «готический» почерк немцев, без знания которого очень трудно переводить рукописные документы.

При участии в допросах важно было знание основ психологии. Чтобы выяснить необходимую информацию - дислокация и организация войск противника, офицерский состав (в том числе, настроение и отношение к рядовым), вооружение, задачи подразделений и ближайшие намерения, организация разведки и многое другое - противника нужно было подавить морально, или вызвать на откровенность, найдя к нему свой подход. Некоторые пленные охотно шли на контакт, однако далеко не все, и переводчику постоянно приходилось быть начеку.

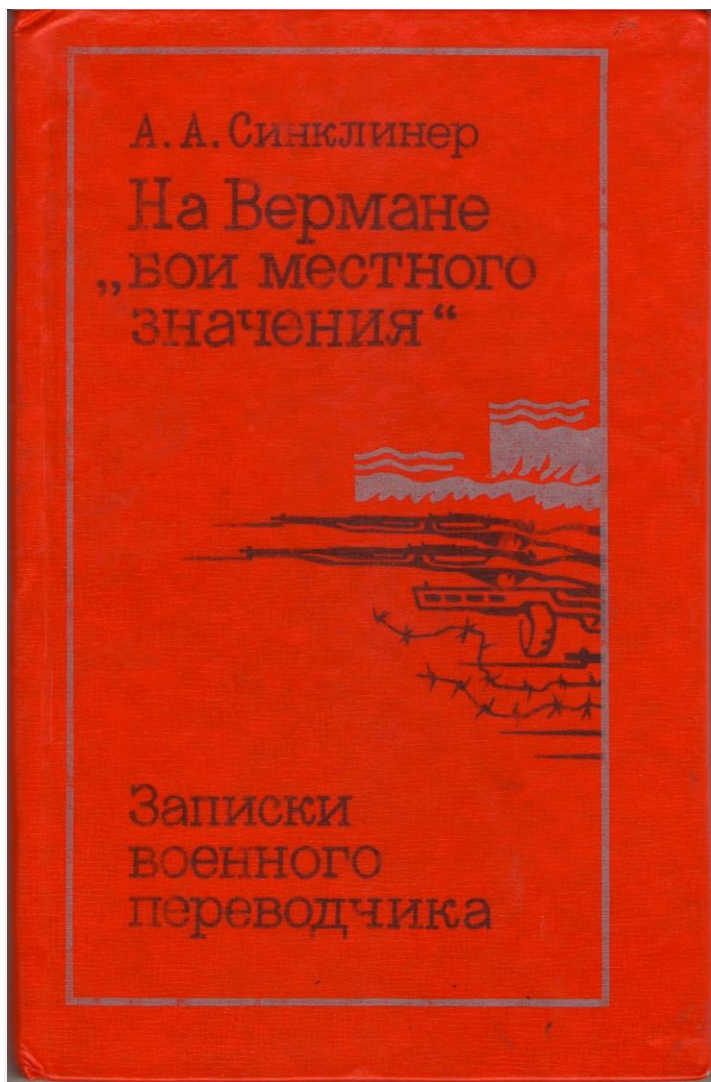
Герой Советского Союза, писатель, лауреат Государственной премии СССР, в войну разведчик, В. В. Карпов дал справедливо высокую оценку роли переводчиков на войне. Он писал: **«Без них, людей, не только владеющих языком противника, но и знакомых с его военной машиной, умеющих свободно ориентироваться в трофейной документации, вылавливать из эфира нужные сведения, трудно было провести бой или военную операцию...»**

После войны Алексей Андреевич работал переводчиком в советской военной администрации в Германии. А затем в Москве окончил факультет заочного обучения Военного института иностранных языков.

А. А. Синклинер был одним из основателей музея боевой и трудовой славы Изобильненского района Ставропольского края. Активно сотрудничал и с Ковдорским районным краеведческим музеем. С 1992 года - член Союза журналистов России. О боевом пути своей 104-й стрелковой дивизии Алексей Андреевич написал книги **«На Вермане «бои местного значения» Записки военного переводчика»** и **«На северных бастионах»**. Эти произведения любознательный читатель найдёт в городских и сельских библиотеках Ковдорского района.

Кстати, книга «Записки военного переводчика» интересна не только рядовым читателям, но представляет особую ценность «для подготовки военных переводчиков-референтов в современных условиях, для воспитания их на боевых и профессиональных традициях переводчиков старшего поколения». Так высоко оценил этот труд в своем письме к автору начальник военного института генерал-лейтенант А. Тюрин.

P.S. В публикации использованы отрывки из книги А. А. Синклинера «На Вермане «бои местного значения». Записки военного переводчика».

1 из 2

Из собрания МАУК «Ковдорский краеведческий музей».